

© 2008 г. В.Л. ВАСИЛЬЕВ

**О ПРОБЛЕМЕ ДРЕВНЕБАЛТИЙСКОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
НА РУССКОМ СЕВЕРО-ЗАПАДЕ***

В статье освещено состояние изучения гидронимии древнебалтийского происхождения на Русском Северо-Западе, дан обзор археологической ситуации в Ильмень-Волховском бассейне, приведены списки вероятных гидронимических балтизмов региона, распределенных по бассейнам крупных рек, трактуются балтийские названия населенных пунктов, рассматривается феномен метонимического калькирования славянами балтийских названий, дискутируются вопросы о северо-восточной границе балтийского этноязыкового слоя, о количественном соотношении балтизмов и финнизмов в регионе. Балтийская топонимия интерпретируется в связи с общей структурой дославянского лексического субстрата и с учетом новейших археологических выводов.

В освещении проблем этногенеза с неизбежностью возникает необходимость в координированном использовании результатов, полученных археологией и лингвистикой. Язык древних этнических общностей не отражается в материальных культурах, зато в значительной степени «консервируется» в территориальных ономастических. При изучении отдаленных во времени «дописьменных» народов особенно остро встает вопрос о соотнесении показаний древних материальных культур, выявленных и изученных археологами, с данными гидронимии (и в меньшей степени топонимии в целом) определенных регионов, приоритет в исследовании которой принадлежит именно лингвистам: специалистам по ономастике, истории языка, диалектологии, этимологии. Что касается лингвистов, занимающихся древнейшими географическими названиями, то они, как правило, охотно используют выводы археологов и нередко даже ставят их как бы на первое место, предваряя обобщенным историко-археологическим очерком собственно топонимические штудии. Некоторые археологи тоже широко привлекают гидронимию для подкрепления и иллюстрации этногенетических заключений. Яркий образец комплексного лингво-археологического подхода при решении вопросов этноистории и этногеографии продемонстрировал, например, В.В. Седов, отметив в одной из своих работ, что «недооценка данных гидронимики делает факты археологии в этом отношении немymi и часто приводит к ошибочному толкованию этих фактов и к искаженным выводам» [Седов 1971: 99]. Тем не менее, в работах, освещающих вопросы этнической атрибуции археологических культур, факты гидронимии учитываются пока явно недостаточно. Связано это в первую очередь с существующим дефицитом лингвистических исследований, посвященных субстратной гидронимии и топонимии определенных регионов. Не последнюю роль играет также известное недоверие к показаниям ономастики, поскольку древнейшие названия зачастую трактуются весьма поверхностно или предвзято, в угоду априорным этноисторическим концепциям. Но в сущности гидронимия, при адекватной ее интерпретации, наиболее диагностичный источник этноязыковой идентификации «дописьменного» населения в том или ином регионе. Гидронимы, в отличие, например, от ойконимов – названий селений и урочищ, более устойчивы: они не столь часто, как ойконимы, переносятся на отдаленные расстояния, реже исчезают, замещаются или изменяют свой облик до неузнаваемости, но обычно лишь отчасти мо-

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-04-04120а).

дифицируют свою структуру, сохраняясь порой в течение нескольких тысячелетий. Будучи территориально устойчивыми единицами, они четко выявляют пространственные координаты конкретной этноязыковой общности.

Обзор этноархеологической ситуации в обширном бассейне оз. Ильмень и р. Волхов (далее – Ильмень-Волховский озерно-речной бассейн, включающий Приильменье и течения крупных рек Ловати, Полы, Шелони, Мсты и Волхова) показывает, что весьма значимые события на этой территории начинаются только со второй половины I тыс. н.э. – после появления здесь славян, с ранней историей которых так или иначе связывают культуру псковско-боровичских длинных курганов, но особенно культуру новгородских сопок [Конецкий 1998]. Этот регион впоследствии приобрел большое культурно-историческое значение в качестве центральных провинций средневекового Новгорода (известных обычно как область новгородского пятинного деления, «внутренние земли» Великого Новгорода, Новгородская земля), а также историко-диалектологическое, будучи пространством специфических древненовгородских говоров (древненовгородского диалекта) и одним из главных очагов сложения северного наречия русского языка. Дославянская же история Новгородской земли представляется во многом неопределенной, полной белых пятен. В книге «Основания регионалистики», обобщившей ряд историко-археологических исследований по Русскому Северо-Западу [Основания 1999: 267–278, рис. 29, 30, 31]; см. также [Лебедев 2001: 31–58], территория Ильмень-Волховского бассейна для эпохи неолита (V–III тыс. до н.э.) описывается как периферийная по отношению к различным культурным арсалам, которые на северо-западе тяготели к Прибалтике и Финскому заливу, на севере и северо-востоке – к Приладожью, Прионежью и Белозерью: это как раз те зоны, на которых, по общепризнанному мнению, начался этногенез собственно прибалтийских финнов, выделившихся примерно к концу III тыс. до н.э. из финно-угров. Часть будущей новгородской территории, главным образом в бассейне Мсты, занимает верхневолжская (валдайская) поздненеолитическая культура, этническая атрибуция которой в значительной мере проблематична. В эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) распространившаяся по всей Прибалтике культура ладьевидных боевых топоров, связываемая с носителями индоевропейской речи, тоже прошла к западу от Приильменья; однако немного позднее к востоку от Ильменя распространилась фатьяновская культура, соотнесенная с еще одной волной индоевропейского заселения Северо-Запада. Территория Ильмень-Волховского бассейна считается периферийной и по отношению к более южному ареалу близкородственных культур I тыс. до н.э. в Верхнем Поднепровье, Подвинье и Поочье (штрихованной керамики, днепродвинской, юхновской, верхнеокской), приписываемых, как правило, древнебалтийскому населению. В эпоху раннего железного века (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.) данный регион наряду с сопредельными территориями Северо-Запада захвачен обширным арсалом культур текстильной керамики, участвовавших в этногенезе финно-угров; имеющиеся данные позволяют характеризовать памятники этого времени, в частности, в восточном Приильменье и Помостье, как «нский периферийный вариант, связанный прежде всего с дьяковской культурой» [Носов и др. 2002: 14]. В целом и для эпохи раннего железа в Ильмень-Волховском бассейне предполагается пограничье различных культурных ареалов и, следовательно, слабозаселенность либо незаселенность («ничейность») территории. Констатируется даже наличие возникшей еще в неолите широкой полосы незаселенной земли, проходящей по линии Волхов – Ловать, равно как и то, что общность, очерченная во второй половине I тыс. н.э. ареалами псковско-боровичских длинных курганов и новгородских сопок, в основном «заняла обширную территорию, выступавшую как незаселенная “ничейная” земля на начальном этапе освоения человеком этой части Восточной Европы» [Основания 1999: 276].

Безусловно, схематичная картина дославянской лингвоэтноистории этого региона содержала бы меньше белых пятен при более глубоком и широком обращении к местной топонимической архаике, уровень изучения которой совершенно недостаточен. Цели топонимического исследования могут быть разными. Один из комплекса сложных вопросов, который, без сомнения, имеет перспективу решения в первую очередь на пу-

тях изучения гидронимии (шире – топонимии вообще) – это определение степени участия древних балтов в этнической истории Новгородской земли и всего Русского Северо-Запада в целом, выявление древнебалтийского (иначе – древнебалтского) языкового наследия в этом регионе. Сегодня гидронимически уже доказано, что историческая территория распространения балтийских этносов была как минимум раз в шесть больше современной площади Литвы и Латвии и охватывала часть бассейнов Днепра, Оки, Волги, Дона, позднее заселенных восточными славянами. Вместе с тем до сих пор превалирует распространенное мнение, что севернее верховьев Западной Двины и Днепра (к северу от ареала балтийских культур штрихованной керамики и смоленских городищ) древнебалтийские следы не только в археологических памятниках, но и в гидронимии новгородско-псковских земель если и не исключены вовсе, то по крайней мере минимальны и в некотором роде случайны. Начиная с М. Фасмера подобный взгляд разделяли даже исследователи, часто обращавшиеся к анализу субстратной гидронимии в лесной зоне Восточной Европы. В 1962 г. В.Н. Топоров писал: «Что же касается северной границы балтийской топонимии, то, по сути дела, ее определение не составляет проблему, поскольку очевидно, что балтийские племена никогда не находились севернее тех мест, где они живут теперь» [Топоров 1962: 43]. Считалось, что эта граница проходит на юге Псковской, по большей части Тверской области, но в целом к югу от средневековой Новгородской земли. В 1980 г. Г.А. Хабургаев, обобщив топонимические исследования К. Буги, М. Фасмера, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева, В.В. Седова, очертил линию распространения гидронимических балтизмов с запада на восток по верховьям рек Великой (г. Пустошка Псковской обл.), Ловати (г. Великие Луки), далее по правобережью Западной Двины, оттуда южнее озера Селигер по левобережью верхней Волги, затем к юго-востоку в сторону рек Москвы и Клязьмы [Хабургаев 1980: 40, карта 1]¹. Примерно в этих же координатах интересующий нас северо-восточный фланг балтийской гидронимии показан на схеме, которая дана в монографии итальянского балтиста П. Дини, изданной в 2002 г. и представляющей по сути обширное введение в баллистику [Дини 2002: 44]. Схема П. Дини составлена на основе гидронимических штудий В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева, Г.П. Смолицкой, А. Ванагаса и, по словам автора, очерчивает ареал «максимального распространения балтийской гидронимии» в границах, хронологически охватывающих первые века н.э. [Дини 2002: 43]. Данная схема воспроизведена в недавнем основательном труде А.Е. Аникина, посвященном этимологическому разбору корпуса апеллятивных балтизмов в лексике русского языка [Аникин 2005: 12].

Однако на сегодняшний день северо-восточная граница максимального балтийского гидронимического слоя в том виде, в каком она отмечена в работах указанных авторов, должна быть подвергнута решительному пересмотру, поскольку она проведена без учета исследований по новгородской гидронимии, появившихся в два последних десятилетия². Среди них важное место занимают работы Р.А. Агеевой 1980-х гг. [Агеева 1980а; 1980б; 1981; 1985; 1989], с именем которой связано открытие довольно многочисленного слоя гидронимических балтизмов в регионе Новгородской земли. По ее предварительным подсчетам, на территории Шелонской и Деревской пятин и на исторической

¹ В частности, в западной части Московской области с примыкающими к Подмосквовью районами Тверской, Смоленской и Калужской областей (от верховий Волги и Угры на западе до междуречья Волги и Оки примерно на долготе г. Москвы на востоке) было насчитано от 300 до 400 гидронимических балтизмов [Топоров 1982: 6].

² В данной статье нас интересует только северо-восточная часть исторического ареала балтийской территории в Восточной Европе. Но в настоящее время дискутируется вопрос и о распространении балтов далеко на восток от Москвы (см. работы Ю.В. Откупщикова о вероятных гидронимических балтизмах в нижнем Поочье и Мордовии [Откупщиков 2001: 365–336; 2004: 2005: 17–19], см. также карту, приведенную в кн. [Агеева 1985: 101; Хенгст 2001: 100]). Не решен вопрос также о западной границе балтийских земель. Последнюю обычно проводят по Висле, однако некоторые исследователи находят гидронимические балтизмы и к западу от Вислы: в Мекленбурге, на Одере и вплоть до Эльбы: см. [Schmid 1987; Schall 1965; 1970; Орел 1997].

Псковской земле балтийские названия составляют не менее 5% и не уступают во всяком случае по количеству финно-угорским названиям. Балтизм много к югу от Ильменя, к северу от Ильменя их количество резко сокращается, но некоторые из них заходят в Ленинградскую область настолько, что возможно помещение северной границы балтийской гидронимии на южном побережье Финского залива. Впрочем, Р.А. Агеева затрудняется уточнить этиологию древнебалтийского гидронимического субстрата на Новгородской земле: оставило ли его местное балтийское население, жившее здесь до прихода славян, либо же эта гидронимия была перенесена на Северо-Запад предками словен и кривичей при пересечении земель балтов [Агеева 1989: 186–187, 201]. Эти изыскания были дополнены в поздних работах В.Н. Топорова, пересмотревшего свое прежние мнение о нераспространении балтийского элемента севернее верховьев Ловати и Волги. В статье 1999 г. автор пишет: «Но еще интереснее, что гидронимические балтизмы присутствуют на всей территории Новгородской области, буквально во всех ее частях... В этой полосе по предварительным данным находится до полусотни таких балтизмов» [Топоров 1999: 280]. Отдельные балтизмы, по мнению исследователя, обнаруживаются и севернее Новгородской области: на юго-западе Вологодской, на юго-востоке и юго-западе Ленинградской областей. Вся гидронимия такого типа, отмеченная В.Н. Топоровым в различных субареалах новгородско-псковско-тверских земель, представлена в виде внушительных списков³.

Правда, далеко не все перечисленные В.Н. Топоровым гидронимы можно, на наш взгляд, считать древнебалтийским наследием. Автор склонен трактовать вероятные балтизмы «по максимуму», не учитывая в достаточной мере арсальный прибалтийско-финский контекст, данные русской диалектологии, вариантность и микросистемное окружение гидронимов и т.п. Определенную долю «балтизмов» на Русском Северо-Западе достовернее возводить к прибалтийско-финским языковым источникам, поскольку они обнаруживают надежные апеллятивные и проприальные соответствия в Финляндии, Карелии, на Русском Севере и Северо-Востоке, где балты никогда не жили (*Валдайка*, *Вельгуя*, *Волдомица*, *Луга*, *Мда*, *Мста*, *Оредеж*, *Реполка* и нск. др.), на это справедливо указывает А.Л. Шилов [Шилов 1999: 88–93]. Некоторые вполне объяснимы с учетом лексического материала современных новгородских и других восточнославянских говоров, следовательно, они позднего происхождения и в своей интерпретации вовсе не требуют обращения к значительной древности (например, *Ситенка*, *Ситня*, *Тросна* – многочисленные на Северо-Западе названия речек, поросших *ситой* и *тростой*, *трестой*, т.е. водными растениями; *Солоница* – от диалектн. *солоней* ‘соленый’ либо прямо от *солоница*, *солоник* ‘соленый источник’). У некоторых водных названий опора только на современный облик приведет к заблуждению, поскольку этот облик существенно разнится с исторически зафиксированным (так, руч. *Гзень* отмечен в ранней письменности в виде *Къземль*). Ряд гидронимов трудно назвать балтийскими постольку, поскольку они вторичны, появились путем трансонимизации. Они объяснимы либо через русские названия прибрежных деревень (например, р. *Болдырька* бассейна Пола названа по стоящей на ней дер. *Болдыри*: к прозвищу *Болдырь*, ср. фамилию *Болдырев*; р. *Деденька* – по дер. *Дедно*, буквально ‘дедово’), либо через смежные балтийские гидронимы (например, в перечне *Шлино*, *Шлина*, *Шлинец*, *Шлинка* только одно из водных имен балтизм, остальные вторично образованы на его основе).

³ Подробные перечни и анализ вероятных гидронимических балтизмов новгородско-псковско-тверских территорий даны в нескольких поздних статьях В.Н. Топорова [Топоров 1995; 1999; 2000; 2001]. По данным этого исследователя, внесшего наибольший вклад в историко-лингвистическое изучение балтийского пространства Восточной Европы, балтийский гидронимический слой в западно-двинском, приильменском, псковском, северно-новгородском и верхневолжском субареалах составляет примерно 220–250 названий, обнаруженных «при практически первой рекогносцировке» [Топоров 2001: 9]. Эти перечни, однако, преимущественно включают названия, локализуемые к югу и к западу от Ильмень-Волховского бассейна.

В последние годы появилась также серия публикаций автора данных строк о балтийском топонимическом слое Новгородской земли [Васильев 2001; 2002а; 2002б; 2002в; 2003; 2004; 2007; Васильев, Вихрова 2006], в которых трактуются отдельные новгородские названия балтийского происхождения, ранее не выявлявшиеся, затрагиваются вопросы стратиграфии этого слоя с привлечением выводов археологии, оценивается удельный вес балтизмов в различных частях региона и взаимосвязи их с прибалтийско-финскими и славянскими названиями.

В поисках балтийского элемента на Русском Северо-Западе исследователи обычно обращались к территории южной и центральной Псковщины (бассейн р. Великой), сопридельной с латышскими землями. На Псковской земле найдено немало хронологически различных топонимических балтизмов, включая и сравнительно поздние названия латгальского типа, рассеянные от границы с Латвией далеко на восток до Ловати (как минимум две-три сотни латгализмов, согласно [Топоров 2000: 397]). Однако топонимические балтизмы, очевидно, в массе своей достаточно древние, обнаруживаются далеко к востоку, северо-востоку и северу от бассейна Великой – почти по всей области новгородского пятинного деления, связанной с Ильмень-Волховским бассейном и с примыкающими к нему течениями Луги, Плюсы, Сяси, Чагодоци, Мологи и других рек. Именно на малоизученных топонимических балтизмах Новгородской земли, определяющих северо-восточный фланг проникновения древнебалтийского элемента, целесообразно сосредоточить основное внимание. Прежде всего стоит перечислить известные по современным и средневековым материалам новгородские гидронимы (затем отдельно – ойконимы) рассматриваемого слоя, распределив их по водосборам Полы, Ловати, Шелони, Мсты, Волхова, Луги, Плюсы и других крупных новгородских рек, которые служили в древности главными нитями коммуникаций в данном регионе. Отчасти водные названия Новгородской земли, атрибутированные как балтизмы, позаимствованы из работ указанных выше авторов, но в значительном большинстве предполагаются впервые. Для выявления новгородской гидронимии, перечисленной ниже, применялись разные критерии. Из них главные: 1) наличие отчетливых параллелей и эквивалентов в литовской, латышской, прусской топонимии, дополняемых гидронимическими соответствиями на древнем этноязыковом пространстве проживания балтов, ныне заселенном славянами; 2) отсутствие убедительных параллелей и эквивалентов в неславянской топонимии исторически финно-угорского этноязыкового пространства, в тех отдаленных северных и северо-восточных областях, где балтов априори ожидать не стоит. Новгородские названия, для которых найдены допустимые соответствия одновременно в балтийском и финно-угорском ареалах (*Ельма, Нарва, Петь, Судома* и др.), в предлагаемых перечни, за немногими исключениями, не внесены, как и те факты, которые вообще пока не имеют ни определенно трактуемых связей, ни этимологии. Многие из гидронимических соответствий, локализованных в Поднепровье, Поочье, Повисленье, уже издавна, традиционно атрибутируются в качестве балтизмов, но их новгородские «родственники» до сих пор не были учтены. Вместе с тем не хотелось бы увеличивать длину списков, приводя те названия, которые скорее следует отнести к числу отдаленно предположительных балтизмов на фоне более регулярно открывающихся славянских соответствий к ним. Разумеется, «нащупать» эту грань предположительности удастся далеко не всегда. Нецелесообразно перечислять в общем ряду и нередко встречающиеся вторичные названия, закрепленные путем переноса первичных названий-балтизмов; ниже такие названия указаны совместно, но не во всех случаях, а только при сомнениях в определении топонимической первичности/вторичности.

Крупное сосредоточение новгородских водных названий, бесспорно, надежно или предположительно отнесенных к балтизмам, наблюдается в небольшом водосборе р. Полы, охватывающем треугольник пространства между озерами Ильмень на северо-западе, Валдайским на востоке и системой Верхневолжских озер (Селигер, Стерж и на юге – Витьбино). Проверка показывает, что здесь балтийскими можно считать следующие гидронимы: рр. *Бетецкий, Бурей/Бурая, Воролянка, Габья, Легованка, Демянка, Деренка, Дерновка* (вариант *Руденка*), *Дупелька* (с оз. *Дупельское*), *Еглинка, Жды-*

ня/Жиденя/Жидонья, Ильган (с уроч. Ильган), Клевичанка/Клевичинка (с дер. Клевичи/Клевечи), Кудра (с оз. Кудро), Кунява/Кунянка (с бывшим с. Кунско, XV в.), Ларинка/Ролинка, Лоненка/Лонна, Лонница, Морей/Марёвка, Мелеча, Мотыренка, Обша (с дер. Бол. Обша, Ср. Обша, Мал. Обша), Пола, Полометь/Поломедь/Поломода, Преслянка, Ртица, Рудынка, Руна и Руна Старая (и дер. Руница), Сежа, Сельня, Соменка, Сомишинский, Сосненка, Сорженка, Спилка, Стабёнка (с уроч. Стобня), Чересица, Шелон, Цыновля, Явонь, озера Беречеты, Демонцо, Долосенское, Еглино, Мезгитно/Мизгутня, Ольтечко/Ольтинское, Полоней, Русское, Саминец, Сомино, Страмилово, Цырево, Шаневское, порог Табола/Тобольский (и дер. Тоболка Буховского погоста XVI в.) на средней Поле. К югу от бассейна Пола как продолжение данного арсала встречаем такие яркие балтизмы, как рр. Жукопа, Сонка, Серемуха (с оз. Серемо), оз. Верхит, Волкото, Индено, Клеветцо, Пено, Стергут, Стерж, быть может, оз. Волго с р. Волга и др.

Бассейн Ловати, протяженной конфигурации, вытянут с юга на север более чем на 500 км от Витебской области Белоруссии до озера Ильмень. Верхнее течение Ловати, от истоков до Великих Лук уже давно отнесено к балтийской гидронимической зоне. Здесь встречаются гидронимы как дославянские, так и поздние – литуанизмы, появившиеся в период Великого княжества Литовского (с XII–XVIII веков); одним из поздних является, к примеру, оз. Камшо в 45–50 км южнее Великих Лук с рекой Камша: к литов. *katša* ‘плотина, запруда’ (на р. Камша до сих пор сохраняется старинная запруда) [Попов 1981: 42–43]. Но и далее к северу, в среднем течении Ловати от Великих Лук до г. Холм Новгородской обл., весьма вероятных древнебалтийских гидронимов, связанных с ловатскими притоками, немало: рр. Болдониха/Балдыниха, Вейна, Вятица, Гредица, Губенка, Губень (второе название р. Большой Тудер), Дёгжа, Допша/Добизня (с оз. Допша), Каместика, Куль, Кунья, Леботень, Локня, Лусня, Лживка/Лживица, Лижанка, Майленка, Моржевка, Морзевка, Мереть, Насва, Ноша, Обира, Обша, Ока, Поланейка, Полистка, Пузна/Пузка, Пылка (с оз. Пылец), Сверетица, Сережа, Сертики (и дер. Сертия/Серетя Холмского погоста, XVI в.), Смота Бол. и Смота Мал., Смерделя, Стеронская/Странская, Черпеска (с с. Черпеса), Шаполка, озёра Алё, Волкото, Говье, Демоница, Демянь, Жеберо, Илиго, Лобзы, Одское, Сокото, Стабно (с дер. Бол. Стобня), Цевло (с р. Цевла), порог Легод/Легда/Логоть (и дер. Легод/Бол. Легда, Легод/Мал. Легда). Значительно меньше такого рода названий на приблизительно таком же по площади широтном участке бассейна Ловати к северу от Холма до оз. Ильмень: рр. Анутка, Бутень/Бытец, Кортенья/Корытенка/Закорытенка, Полисть/Полесть/Полиста с оз. Полисто, Руса/Порусья (> г. Старая Русса) с оз. Русско, Редья/Рдея с оз. Рдейское, Снежа/Снежия, Соминка, Стожинка, оз. Жотор/Жетор/Жатор, Сосно, порог Желвым/Желвин на средней Ловати ниже Холма. Балтийскую этимологию имеет в том числе имя главной реки – Ловать (наряду с весьма сомнительными прибалтийско-финской и славянской этимологиями). Западнее левобережных притоков Ловати фиксируется не менее многочисленная и достоверная балтийская гидронимия, рассеянная практически по всему бассейну р. Великой, но особенно в явном виде на его верхнем и среднем участках.

К западу и юго-западу от оз. Ильмень, в бассейне р. Шелони, к балтизмам явно или предположительно относятся потамонимы Грузомедь (руч. и дер.), Деменка (с оз. Демон), Ильзна, Колотня, Кунейка, Леменка, Лоненка, Милиц, Ровка, Струпенка, Удоха, Уза, Шелонь, лимнонимы Дегжо, Должино/Должинское, Жедрицкое (с дер. Жедрицы, в среднесвековье – центр погоста), Локно; западнее, уже на нижнем участке р. Великой имеются рр. Лзна, Многа, Севка с оз. Сево и др.

В бассейне Волхова древнебалтийское происхождение допустимо считать у названий рек и ручьев Беберка, Волхов, Вишера/Вешера (с притоками Бол. Вишера, Мал. Вишера), Выбра/Выбро, Дереша, Дыменка/Дымна, Дупна/Дуна, Елимна, Иглино/Еглинка, Ингорь, Кересть, Кунесть/Кунестка, Оломна, Орлец, Оскуя, Осьма, Пожупенка, Полисть, Сола, Сосница, Шалонь, Шарья, оз. Овсыня, Соминское.

К западу от Поволховья и к северо-западу от оз. Ильмень данный гидронимический слой продолжается в более отчетливом виде в сопредельных бассейнах Луги и Плюссы: *Верест*, *Верешня/Вересня*, *Верца* (с оз. *Верецкое*), *Вруда* с притоком *Врудица*, *Выра*, *Губенка*, *Желовянка*, *Желтая*, *Жолыжена*, *Золвик*, *Керина*, *Крупелка*, *Куря* и рядом *Курейка*, *Либа*, *Лиминь/Лимень/Лемань*, *Ловодец*, *Лонка*, *Лонья*, *Лубеть*, *Лубонь*, *Меленка*, *Наска*, *Нотика* (и дер. *Нотей*), *Обнова/Овнова*, *Омуга*, *Песта*, *Пята* (и оз. *Пятское*), *Руя*, *Скородна*, *Скородня*, *Совья*, *Солка*, *Стожина*, *Стреженка*, *Тесова* (и с. *Тесово*), *Угорня/Угорка*, *Удрайка/Удрайна* (с дер. *Удрая* Водской пятины), *Черемоловой*, *Череска*, *Чересученка*, оз. *Бebro*, *Бетино*, *Врево*, *Ильжонское/Ильжо/Илжо*, *Камошье*, *Самро* и др. Балтизмы обнаруживаются также западнее течения Плюссы, среди восточных притоков Чудского озера (рр. *Болодинец*, *Гдовка*, *Черьма* и др.) и даже севернее нижнего течения Луги; ср. такие убедительные факты, как *Велькота/Велькотка*, прав. пр. Сисы, впадающей в Финский залив (находит много точных параллелей среди балтийских названий рек), *Удосолка*, пр. *Вельготки* (с оз. *Удосольское* и с. *Удосол*), возможно, *Индыш*, речка в нескольких километрах от Велькотки в 25 км севернее г. Кингисепп.

В бассейне Мсты к явным или предположительным балтизмам можно отнести следующие гидронимы: рр. *Бурга*, *Вережжа*, *Волжанка*, *Деготинца/Деготница*, *Демица* (с оз. *Демецкое*), *Дора*, *Едерка* (с оз. *Едрово*), *Желомля*, *Каширка*, *Кисса*, *Клевицкий*, *Котырь*, *Либья/Лабья*, *Лона*, *Лотовка* (с оз. *Лотово*), *Нерца* (с оз. *Нерецкое*), *Оловенка/Ловянка*, *Оловенка* (с оз. *Оловенец/Ловенец*), *Омитица* (с оз. *Омичко*), *Сивельба/Сиволюбля*, *Скирлевка*, *Снища*, *Солпа* (ручей, порог и дер.), *Струбский*, *Торбытна* (с оз. *Торбино*), *Черищенка*, *Шлинка* (с уроч. *Шлино*), *Удина*, *Черкаса*, *Цна*, оз. *Дубелье*, *Дупля*, *Долосье/Долосцо*, *Жден*, *Картино*, *Кимариц*, *Короцко*, *Креичи*, *Кретно*, *Лебинец*, *Лимень* (оз. и пустошь), *Лунка*, *Нерачино*, *Пелено*, *Соминское*, *Сомино/Осьмино*, *Стреглино/Стригольно*, *Шлино* (оз. и р.). У верховий Мсты, к востоку (бассейн Мологи, Удомельский р-н Тверской обл.), на небольшой территории обнаружено отчетливое скопление ярких балтизмов, среди которых рр. *Мажича*, *Судеревка*, оз. *Деменец*, *Ильстимо*, *Кжемле/Гжемле*, *Маги*, *Масцо* (< *Мажцо*), *Молдино*, *Пество*, *Семьинец*, *Удомля* и др.

Как продолжение мстинского ареала к северу, северо-востоку обращают на себя внимание названия рр. *Болочейка/Болочемля*, *Воложба*, *Димовка*, *Мезга*, *Меленка*, *Мережка*, *Ситомля*, *Смердомка*, *Соминка*, *Тулея*, оз. *Вилея*, *Демень/Задеменское*, *Демячка*, *Крупеня*, *Нерочино/Нарочино*, *Ретомля* в верховьях Сяси и Чагодоци, *Вешара/Вешарка/Весь*, *Крупенец/Крупеница* в верховьях Колпи. Но даже и севернее этих рек, а именно в верховьях Паши (к северо-востоку от Тихвина), обнаруживается любопытный гидроним *Тутюка/Тутюва/Tutukjogi* (с оз. *Тутюка/Тутюк/Тутюкское/Тутюкярв*), прав. пр. Явосьмы, не объясненный пока на прибалтийско-финской почве, но могущий иметь балтийские связи; ср. р. *Tūtaka* в Литве, как и литов. р. *Tūt-upis*, лтш. *Tūtarp*, *Tūtarp*, *Tutes*, *Tutas* и др. (связывают с лтш. *tute* 'сила, мощь, энергия' или с литов. *tūtioti* 'петь; кричать; дудеть') [Vanagas 1981: 350–351]. Рядом с *Тутюкой* в Явосьму впадает речка под названием *Ретеиша/Ретоиша*, основа которого (*Рет-*) тоже многократно повторяется среди балтийских названий вод (впрочем, к данному факту можно привлечь вепс. *redu*, ижор., карел. *retu* 'грязь; слякоть').

Среди названий небольших притоков оз. Ильмень, мелких пойменных протоков и озер в прибрежной зоне оз. Ильмень на балтийском материале квалифицируются с большей или меньшей надежностью потамонимы *Вдова*, *Верготы/Верготка*, *Витолька*, *Воложа/Волочанка* (с оз. *Волосько*), *Догжа/Дегжа*, *Дупля*, *Иглица/Иголя/Игола/Иголка* (с оз. *Игольско*), *Кормяная/Кормина/Кармена*, *Льзна* (и дер. *Льзень*, *Лзенка*), *Льнинский* (и оз. *Олнино*), *Лялин*, *Моята/Маята*, *Неденка/Недейка*, *Ниша*, *Половка/Полова*, *Понеделька*, *Постенский*, *Русская* (с дер. *Русско*), *Сон/Сонской*, *Тисва* (с оз. *Тисовское/Тисва*), *Тулеля/Тулель/Тулеля*, *Чежа*, *Шеленский*, лимнонимы *Благи*, *Жавро/Жеберо*, *Индюк*, *Лишо*, *Менцо*, *Синец*, *Стяг/Стягово*, ороним *Молги*.

Приведенные списки отражают некий средний уровень эксцерпции новгородской гидронимии, явно или предположительно отнесенной к древнебалтийскому слою. Они безусловно не исчерпывают всего этого слоя в регионе и предварительны в том смысле, что включают определенную долю названий, требующих более глубокой проверки на

финно-угорском и славянском материале. Степень достоверности перечисленных гидронимических балтизмов сильно разнится. Наиболее яркие и выразительны те, которые в полной мере передают сепаратные черты балтийских языков, дифференцирующие их от славянских. Обычно это названия с собственно балтийскими корнями и основами, неизвестными в славянских языках, например, оз. *Шлино* (к балт. обозначению глинистой почвы, ср. литов. *šlūnas* 'тяжелая светло-синяя глина') или р. *Стабёнка* (к балт. **stabin-* 'каменная', ср. прусск. *stabis* 'камень'). Значительно хуже диагностируются в качестве возможных балтизмов гидронимы с общими балто-славянскими корнями, которые как правило характеризуются формантами, тоже общими для обеих групп языков. В таких случаях существенной опорой служат функционально-статистические, фонетико-адаптационные, микросистемные и другие признаки, вскрываемые при более основательном анализе: частотность/раритетность отдельных морфем или цельнолексемных параллелей в топонимии и апеллятивной лексике балтов и славян, типичность/нетипичность номинативных моделей топонимов в балтийских и славянских языках, отражение закономерностей славянской адаптации субстратных названий, специфика топонимической вариантности, прослеживаемой при детальном ознакомлении с источниками, территориальное соседство плохо дифференцируемых названий с надежными, «сигнальными» балтизмами и др. К плохо дифференцируемым гидронимам относится, например, *Смердомка* (ср. русск. *смердеть*, литов. *smirdėti*, лтш. *smirdēt* 'вонять') с балто-славянским суффиксом *-ом-*, который, пожалуй, более характерен для балтийской гидронимии (общебалт. *-amas*), чем для славянской. Новг. *Снежа/Снежия* (ранее писалось с «ять») передает балто-славянское обозначение снега (русск. *снег*, прусск. *snaugis*, литов. *snaigė, sniegas*), но «снеговые» гидронимы характерны скорее для балтов, что удостоверяется большинством соответствий; кроме того, нетипичное для славянской топонимии оформление названия (не *Снежица*, *Снежная*, *Снеговая*) позволяет видеть в нем скорес палатализованную модификацию балтийской праформы (типа литов. *Sniegys*) на славянской почве.

Известно, что делимитация родственных балтийских и раннеславянских лексико-словообразовательных элементов представляет сложнейшую проблему, до конца не разрешимую. Топонимия показывает множество переходных случаев такого рода, и зачастую выбор в пользу балтийской атрибуции названия можно сделать лишь статистический, поскольку типичное и продуктивное в балтийских языках вероятно встретить и в диалектах славян хотя бы на уровне редкого, архаического или даже относительно частого явления, и наоборот. С этой проблемой связаны ситуации, часто возникающие при изучении новгородской топонимии, когда этимология названия ясна и достоверна, а его этноисторическая принадлежность – славянское или балтийское – проблематична (*Березна*, *Вилень*, *Понеретка*, *Смородинка/Смородянка*, *Смирдино* и др.). Подобные названия в целом более оправданно относить к славянскому слою. Вообще говоря, всесторонний анализ плохо дифференцируемых («балто-славянских») названий, которые вполне допускают балтийские трактовки, часто открывает новые возможности более убедительного объяснения их как раннеславянских топонимических архаизмов. Имменно поэтому такие новгородские гидронимы, как *Березай* и *Березайка*, *Бологое*, *Велья*, *Вельё*, *Вилейка/Велейка*, *Веребья*, *Веть*, *Витка*, *Водоса*, *Волма*, *Витебско*, *Выдерка*, *Дубна*, *Желонка*, *Колодея*, *Колпинка*, *Крупна*, *Линенка*, *Лопанка*, *Лоша*, *Лютейка*, *Меглинка*, *Орлинское*, *Песно*, *Плюсса*, *Полонка*, *Радча*, *Северка/Сиверка*, *Туренка*, *Тушемля*, *Уча*, *Черемецкое*, *Черенка*, *Чечора* и нек. др., неоднократно повторяющиеся на Северо-Западе и/или в других регионах и ранее объясненные или предварительно помеченные как балтизмы, не включены в приведенные выше перечни. Вместе с тем, учитывая близость балтийских и славянских диалектов в I тыс. н.э., нельзя игнорировать фактор наличия в региональном топонимическом ландшафте немалого количества так называемых «невидимых» балтизмов ввиду того, что многие усвоенные от дославянского населения водные имена были фонстически пресобразованы или переосмыслены под влиянием родственного славянского суперстрата настолько, что отличить их от распространенных славянских названий сегодня практически невозможно.

Из списков явствует, что плотность вероятных гидронимических балтизмов в разных частях Новгородской земли неравномерна. Наиболее концентрированно они покрывают бассейн Полы, восточное и юго-восточное побережье оз. Ильмень, среднее (выше г. Холм) течение Ловати, значительно меньше их в Половатье ниже Холма, еще меньше на западном побережье Ильменя и среди притоков Шелони, где, по предварительным наблюдениям, особенно высок процент славянских топонимических архаизмов. Восточнее Ильменя, в бассейне Мсты, балтизмов немало на широтном участке от истока приблизительно до г. Боровичи Новгородской обл., изредка они встречаются ниже по течению реки и далее к северу от Помостья, в верховьях Сяси, Чагодоци, возможно, Паши и ввиду данного факта нельзя согласиться с тем, что балтийских названий «совсем нет в левобережье Мсты» [Агеева 1989: 187]. В разреженном виде такие названия обнаруживаются в бассейне Волхова, но показательно то, что здесь они в основном группируются в выразительный анклав южнее г. Кириши Ленинградской обл. (главным образом на территории Чудовского р-на Новгородской обл.). Таким образом, новгородская гидронимия балтийского происхождения убывает от бассейна Полы и оз. Ильмень при продвижении на север и северо-восток, а от Полы также на запад – в сторону Ловати и Шелони. Обращает на себя внимание, что к северо-западу от оз. Ильмень выявляется сравнительно много ярких балтизмов среди верхних и средних притоков Луги и особенно Плюссы: здесь соответствующая гидронимия безусловно более заметна, чем в Поволховье (восточнее) и в бассейне Шелони. Последнее обстоятельство выглядит несколько неожиданным, поскольку водосбор Шелони расположен южнее, чем бассейны Луги и Плюссы. В разных частях региона намечаются места относительного сгущения и разрежения данных гидронимов, которые именуют как крупнейшие новгородские реки (*Ловать, Пола, Полисть, Полометь*, возможно, *Шелонь, Волхов*), так и маленькие речки или ручьи длиной до десятка километров и озера площадью несколько гектаров. Более тщательное изучение региональной микрогидронимии открывает все новые вероятные балтизмы, не оставляя никаких сомнений в бывшем присутствии балтов на рассматриваемой территории.

Значительная совокупность гидронимов, которые с той или иной степенью вероятности трактуются как балтизмы, отодвигает периферию древнебалтийского этноязыкового пространства к северу от Новгорода. Вопрос о проведении границы пока решается предварительно, в условиях, когда гидронимы балтийского типа на Русском Северо-Западе до конца не выявлены. В схематичном приближении эта граница, начинаясь от Финского залива (к северу от р. Нарва и устья Луги), пересекает среднее течение Волхова (в районе г. Кириши), далее идет по верхним притокам Сяси, Чагодоци, Колпи, затем спускается на юг, юго-восток к верхнему течению Мологи, к Бежецку (ср. «гнездо» вероятных балтизмов на территории бывшего Бежецкого ряда: рр. *Мелеча/Милеча, Могоча, Осень, Ретомля*, оз. *Верестово* и нек. др.), далее уходит на юг к Кимрам (р. *Кимрка/Кимерка* и др.).

Вопрос о количественном соотношении (удельном весе) на новгородской территории названий прибалтийско-финского (шире – финно-угорского) и балтийского происхождения требует более основательного изучения. В любом случае не стоит увеличивать процент одних субстратных этимологий за счет других, ориентируясь на предвзятое мнение о «своей» или «чужой» этимологии относительно исконности того или иного этноязыкового ареала. Несомненно, прибалтийско-финские гидронимы рассеяны по всей Новгородской земле (некоторые из них, надо полагать, как и балтизмы, существенно персиначены и не отличимы от славянских), но становится очевидным и другое: на значительной части ее территории гидронимические балтизмы по количеству либо не уступают отличительным финнизмам, либо явно превосходят их. Особенно это заметно в бассейне Полы, где на фоне многочисленных славянских и балтийских названий совсем нет гидронимов с характерными финскими чертами, к примеру, с исходами на *-киа, -кса, -ма, -уя, -ега, -дро, -ус* и др., обусловленными преобразованием типовых прибалтийско-финских детерминантов и флексий. Даже те единичные гидронимы среди притоков Полы, которые объяснялись чаще как финские, скорее допускают иные трактовки: р. *Руна* (не исключено, что прибалт.-фин., см. [Vasmer 1934: 370], но значительно больше балт. связей [Гопоров 1972: 219–230]); *Меглинка* (к прибалт.-фин., или слав. [Агеева

1989: 220; Шилов 1999: 46–47], или балт. [Топоров 1999: 280] языковому источнику, а в целом неясно); *Невий мох*, болото (есть фин. *neva* ‘болото’, но название, очевидно, идет от славянского апеллятива, заимствованного ранее у финнов, ср. новг. диалектн. *невья* ‘моховое болото’ [НОС, 6: 35]). Вообще говоря, в бассейнах Полы, Ловати, Шелони. Плюссы и во всей прибрежной зоне оз. Ильмень гидронимы с отличительными прибалтийско-финскими связями очень редки, по количеству не идут ни в какое сравнение с балтизмами. К северу от широты Ильменя общий гидронимический фон приобретает все более ощутимую прибалтийско-финскую окраску. Это хорошо заметно в Поволховье, где вероятных финских гидронимов немало: *Влоя*, *Выя/Выйка*, *Ерёша/Ерша/Ережь*, *Киба*, *Кириша*, *Коломовка*, *Ладожка*, *Лынна*, *Менекиша*, *Обуйка*, *Питьба*, *Пчевжа*, *Раптица*, *Равань*, *Рапля*, *Ревдушка*, *Сестра/Сестрица*, *Ситаль*, *Слиговка*, *Танца*, *Тигода*, *Тянегожское*, *Чагода* и др.; вместе с тем названия отдельных притоков Волхова (*Беберка*, *Вишера*, *Осьма*, *Полисть*, *Ингорь* и др., быть может, и сам гидроним *Волхов*) и даже названия южных притоков Невы (*Тосна*, а также *Лустовка*, *Сунья* среди верхних притоков Тосны) могут быть атрибутированы в качестве древнебалтийского языкового наследия. Но в целом в среднем (ниже Боровичей) течении Мсты, в среднем и нижнем Поволховье прибалтийско-финские названия рек и озёр, трактуемые достаточно надежно, по количеству преобладают над балтийскими.

Новгородскую гидронимию балтийского происхождения целесообразно интерпретировать в связи с общей структурой дославянского лексического субстрата в регионе. Славянское заселение центральных районов Новгородской земли было не только достаточно ранним, но, надо полагать, и относительно плотным, массивным, приведшим к быстрому поглощению дославянских этносов (остатки води и ижоры сохранились лишь на северной периферии региона). О раннем и плотном характере славянского освоения территории говорит специфика местного дославянского субстрата. Ранее уже обращалось внимание на то, что в отношении субстратных включений территория Приильменя и бассейнов рек Волхова, Шелони, Ловати, Мсты показывает совершенно отличную картину от той, которая сложилась в более восточных областях Русского Северо-Запада [Муллонен 2002: 35]. На этой территории, которая в северо-восточном направлении продолжается не далее юго-западного Присвирья (бассейн р. Паша), а на востоке – до западных районов Вологодской обл., дославянский лексический субстрат представлен в подавляющем большинстве случаев гидронимами, что, как было отмечено, наблюдается тогда, когда процесс этнической ассимиляции завершился уже давно и время стерло многие менее устойчивые субстратные черты [Матвеев 1993: 93]. Самое важное отличие заключается в том, что в центральных районах Новгородской земли субстратная гидронимия представлена двумя главными перемежающимися стратами – финно-угорским и балтийским, тогда как на территориях к северу и северо-востоку рассеяны названия почти исключительно финно-угорского происхождения (о дофинском наследии можно вести речь лишь сугубо теоретически). Новгородские гидронимы дославянского происхождения сопровождаются ограниченным количеством обиходной апеллятивной лексики местных говоров, восходящей как к финским, так и к балтийским источникам⁴. В более во-

⁴ Новгородские апеллятивные финнизмы (диалектн. *горма* ‘таволга’, *канаврик* ‘багульник, вереск’, *кармус* ‘рыба елец’, *луда* ‘мелководье на озере’, *макса* ‘рыбьи молоки’, *сестрянкa* ‘красная смородина’ и др.) обычно проявляются и в говорах к северу, северо-востоку от Ильмень-Волховского бассейна, см. [Мызников 2004: 257–264]. Новгородские балтизмы (диалектн. *баркан* ‘морковь’, *грыжа* ‘брюква’, *крупеня* ‘суп из крупы’, *пекалек* ‘мотылек’, *ренжа*, *ропжа* ‘птица сойка’, др.-новг. *намъ* ‘проценты; лихва’ из берестяных грамот с XI в. и др.) имеют ожидаемые соответствия, как правило, в говорах к западу и юго-западу от Новгородской земли, см. [Аникин 2005: 55, 100, 127, 183, 227–228, 238, 266]. Если взять общую сумму субстратных и/или заимствованных апеллятивов, то слов прибалтийско-финского происхождения в новгородских говорах обнаружится явно больше, чем балтизмов. Но в данном случае нельзя забывать о хронологии лексического субстрата. Оказывается, основную долю финнизмов в этом регионе составляет не дославянский субстрат, а поздний карельский языковой тип [Мызников 2004: 263], появление которого можно отнести только к XVII столетию.

сточных областях субстратное наследие отражено в иных формах: помимо гидронимов, здесь много субстратной микротопонимии (в том числе микрооронимии – названий рельефов, растительности и проч.) и ойконимии, субстратная топонимия сопровождается многочисленной субстратной лексикой прибалтийско-финского происхождения, в некоторых местностях субстратные черты переплетаются с живыми адстратными явлениями [Муллонен 2002: 31–35; Матвеев 1993: 93]. Отличен и сам характер усвоения топонимического субстрата, если судить, например, по топонимическим полукалькам (типа *Сяргозеро*, *Кивручей*, *Шеймагора*), которые практически отсутствуют в Ильмень-Волховском бассейне, но во множестве рассеяны в областях к востоку и северо-востоку от него. Севернорусские полукальки являются ярким проявлением финно-угорского синтаксического или словообразовательного субстрата и возникли в результате постепенного обрусения местной топонимической системы [Гусельникова 1996; Муллонен 2002: 35–36]. Но на центральной новгородской территории атрибутивные топонимические структуры, включающие географический термин, не дали полукалек при древнеславянском усвоении. Подобные структуры, финские или балтийские (типа многочисленных литов. геогр. *Bit-upis*, *Bit-ravis*, *Bit-ežeris*, *Byt-tvanas*, лтш. *Stirnupe*, *Varnupis*, *Ainėžers* и т.п., см. материалы [Vana-gas 1981; Endzelin 1934] и др.) в Ильмень-Волховском бассейне были усвоены славянами как правило в двух основных формах: либо с сохранением всего сложения (ср. новг. оз. *Шерегородо*, буквально – ‘плотичное озеро’ [Агеева 1989: 231] к северу от Боровичей при наличии изосемантического *Сяргозеро* в бассейне р. Свирь), либо с переводом и дальнейшей утратой постпозитивного термина (ср. руч. *Киба* с первичным значением ‘каменный’ к западу от Ильменя, но руч. *Кивручей* в юго-восточном Приладожье).

Обрисованная ситуация с языковым древнебалтийским наследием в регионе Новгородской земли в качественном отношении мало чем отлична от той, которая описывается для более южных областей, в которых следы дославянских балтов, помимо языковых остатков, прослежены археологически. Одна из таких территорий – юго-западное Подмосковье со своей богатой балтийской гидронимией, где не слишком отдаленное хронологически присутствие балтов свидетельствуется в том числе древнерусскими летописями (см. известные сообщения Лаврентьевской и Ипатьевской летописей под 1058, 1147, 1248 гг. о стычках с голядью и литвой на Протве). Тем не менее, «имеющийся <...> материал подталкивает к выводу, что в Подмосковье, Поочье и на смежных территориях, некогда населявшихся балтами, оставленный ими субстрат представлен в основном на уровне гидронимии при редкости специфичных б. <б. = апеллятивные балтизмы. – В.В.!» и наличии относительно многочисленных б., известных и на других великорусских и славянских территориях» [Аникин 2005: 55]. Сходным образом можно квалифицировать состояние балтизмов и в центральных районах Новгородской земли. А в более общем плане ситуация в Подмосковье, где балты документируются еще в XI–XIII столетиях, показывает, что апеллятивный субстрат утрачивается значительно быстрее, чем гидронимический, и распадается за пределы территории своего первоначального усвоения, давая в итоге «смазанную картину». Поэтому при изучении языкового субстратного вклада в пределах конкретного региона преимущественной опорой должен служить топонимический субстрат, оцениваемый по ареальной конфигурации, по типологии названий и по количеству их на единицу площади, по хронологии и по отношению к иным этноязыковым топонимическим стратам в регионе.

Плотность вероятных гидронимических балтизмов в регионе Новгородской земли, даже если ограничиться его юго-западной половиной, очевидно, не столь высока, как в центре древнебалтийского освоения лесной зоны Восточной Европы. К этому центру отнесены исторически известный ареал москворецко-поочских балтов, верхние течения Днепра, Западной Двины и Оки, бассейны крупных притоков Днепра – Сожи и Березины (т.е. преимущественно территории Московской, Калужской, Смоленской, Витебской, Могилевской областей). Но балтийских названий на рассматриваемой новгородской территории в целом выявлено не меньше, чем в значительном по площади бассейне Десны и явно насчитывается больше, чем среди левых и правых притоков Припяти, Сейма, среднего и нижнего Поочья, на верхнем Дону. Для сравнения: в левобережье Припяти обнаружено не менее полусотни возможных гидронимических балтизмов [То-

поров, Трубачев 1962: 232] и примерно такое же число балтизмов выявлено в бассейне новгородской р. Полы, который раз в десять меньше бассейна Припяти. Между тем и Припять, и Десну, и Поочье традиционно относят к древнебалтийскому ареалу, тогда как новгородскую территорию считают почти исключительно прибалтийско-финской. Однако совокупность водных названий, осмысленных в последние десятилетия, позволяет говорить о Русском Северо-Западе (включая сюда и Псковскую землю) по крайней мере как о смешанной балто-финской гидронимической области.

В ближних окрестностях оз. Ильмень обнаруживается целый ряд надежно интерпретируемых древнебалтийских топонимических фактов, часть из которых стоит осветить более подробно. Именно наличие подобного рода хорошо дифференцируемых («сигнальных») названий в максимальной степени удостоверяет древнебалтийское присутствие в регионе. Одно из них – *Осьма*, относящееся к небольшому, 16 км длиной, правому притоку Волхова в Чудовском и Маловишерском р-нах Новгородской обл. Гидроним *Осьма* соотносится с литов. *aštiõ*, лтш. *asmens* ‘острие; лезвие ножа’ (< ‘камень’). О том, что соответствующие балтийские основы (кстати говоря, этимологически близкие, наряду с литов. *akmiõ* ‘камень’, к русск. *камень*) в древности функционировали в значении ‘камень’, свидетельствуют др.-инд. *ásta* ‘камень, скала’, авест., др.-перс. *as-tan-* ‘камень’ [Фасмер, II: 173–174]. Надо полагать, речка *Осьма*, имя которой расшифровывается как ‘каменная’, ‘каменка’, была названа, как и множество других *Каменок*, скорее всего с учетом каменистости русла. Поволховский гидроним входит в контекст родственных речных названий на древней балтийской территории, которые дружно толкуются исследователями через сближение с др.-балт. обозначением камня: *Осьма* (*Восьма*), р. в верховьях Днепра [Топоров, Трубачев 1962: 165, 181, 200], *Восма*, лев. пр. Безпуты в Подмоскowie, *Осма*, *Осьма*, *Восма*, *Восьма*, *Осменский*, *Восменский*, *Восминский*, *Восемской*, *Осьмушиной*, *Османовка* – реки и ручьи в бассейне Оки, зафиксированные каталогом Г.П. Смолицкой [Смолицкая 1976: 40, 98, 144, 145, 156] и интерпретированные как балтийские [Топоров 1972: 255; 1998: 301–302]; сюда же относятся р. *Осмонь* в Курской и Орловской губ., *Осмянка* в Виленской и Каунасской губ., *Осмониха* в бассейне р. Великой (к этимологии их см. [Агеева 1989: 194]), *Ašmenà*, *Ašmenų upelis* в Литве, *Ašmenų-ežers*, *Asmenite*, *Ašmenį*, *Ašmaņi* в Латвии, курш. *Assme* и др. [Vanagas 1981: 50; Endzelīns 1956: 44]. Семантически весьма показательно название р. *Каменная Осмонька* в Курской и Орловской губ. (атрибутировано как иранское по происхождению [Топоров, Трубачев 1962: 222], но не меньше оснований считать его балтизмом). Окончательно истинность названия р. *Осьма* в Поволховье как наименования ‘каменной’ реки подтверждает топонимический микроландшафт: во-первых, имя ее главного притока – р. *Каменка*, во-вторых, название средневековой деревни *Камеская/Каменская*, стоявшей на *Осьме* в погосте Коломенском на Волхове Обонежской пятины 1564 г. [ПКНЗ 2: 66]. Эти смежные гидронимы и ойконим связаны отношением метонимического калькирования, при котором *Каменка*, *Каменская* являются славянскими переводами дославянского смежного *Осьма*.

Примечательно, что притоком *Каменки*, гидрографически подчиненной *Осьме*, является в свою очередь речка *Беберка/Бebra*; этот последний гидроним, отраженный на крупномасштабных картах местности (в 1 см 1 км), тоже выглядит достаточно надежным балтизмом; ср. характерные для балтийских языков обозначения бобра и «бобровые» названия с огласовкой *e*: прусск. *behrus*, литов. *bebrūs*, *bebras*, *bēbras*, *debrūs*, *vehrus*, лтш. *bēbrs*, *bebris*, прусск. топонимы *Behrlauken*, *Bewer*, *Behir*, *Bybir*, *Behra*, литов. *Behrė*, *Behrinė*, *Behrika*, *Behrujis*, *Behrūpis*, *Behr-upis* и др., лтш. *Bebra*, *Behrunnen*, *Bēbrs*, курш. *Behruip* и др., сюда же и новг. *Бebro*, оз. в верховьях Оредежа к северо-западу от Новгорода, и смоленское *Бebra*, р. в верховьях Днепра, см. [Топоров, Трубачев 1962: 175; Топоров, I: 203–205; Vanagas 1981: 60; Аникин 1998: 29–30]. В ближайшем соседстве с *Осьмой* и *Беберкой*, на расстоянии до 10 км к западу, слева в Волхов текут р. *Полисть*, руч. *Еглинка/Иглино*, *Орлец*, а до 10 км севернее *Осьмы* и *Беберки* в Волхов справа впадают небольшие правые притоки *Сосница* и *Выбра*. Перечисленная узколокальная гидронимия находит нередкие топонимические и апеллятивные соответствия в ареале древнего проживания балтов, причем вероятность ее отнесения к балтийскому слою су-

существенно повышается благодаря территориальному соседству с *Осьмой* и *Беберкой*. Обрисованная гидронимическая ситуация наводит на мысль о существовании древнебалтийского этноязыкового анклава на Волхове к северу от Новгорода, в районе г. Чудово. Вместе с тем отличительные естественно-географические особенности данной местности – низменной, с заболоченными лесами, с редкими селениями как в прошлом, так и настоящем – могут предполагать реликтовое сохранение в малоосвоенном районе Поволховья островка балтийской гидронимии, которая была замещена славянскими названиями вод в более обжитых сопредельных районах.

В окрестностях Ильменя, кроме пары *Осьма* – *Каменка*, локализуются еще несколько метонимически «расщепленных» пар речных названий, один из которых субстратный балтизм, а второй – его славянская калька: *Стабенка* – *Каменка* и *Марёвка* – *Озерешня* в верховьях Полы, *Порусья* – *Редья* в южном Приильменье, *Дегжа* – *Загоска* в дельте Ловати, возможно, *Неденка* – *Сытинка* и *Кормяна* – *Хохулька* на западном берегу Ильменя, подробнее см. [Васильев 2001; 2004; Васильев, Вихрова 2006]. Такие гидронимные пары имеют повышенную значимость для изучения дославянского языкового наследия в регионе, и редкие находки их – большая удача. Из феномена метонимического калькирования названий никто, кажется, не сделал важного теоретического вывода об этиологии топонимического субстрата. А вывод заключается в том, что метонимические кальки отрицают возможность переноса субстратных названий расселяющимся этносом, они, напротив, свидетельствуют о рецепции субстрата на месте и о двуязычии пришлого населения. Судя по калькированию, ранние славяне воспринимали эту гидронимию от балтов в самом Приильменье, а не принесли ее с юга, усвоив при пересечении земель, традиционно считающихся балтийскими. Балто-славянское двуязычие, в свою очередь, предполагает внедрение славянского этноязыкового элемента в местную балтийскую среду, а не случайные встречи славян с редкими изолированными группами балтов, забредавшими далеко на север.

Другим интереснейшим проявлением новгородского дославянского субстрата являются балтийские названия населенных пунктов, сравнительно редкие на фоне названий вод. Первостепенно важны ойконимы первичные, не соотносимые со смежными гидронимами, обнаруживающими идентичные основы, поскольку эта, вторая, категория названий обычно предполагает отгидронимность, а следовательно, вторичность образования ойконимов (как в случаях с номинацией пос. *Пола* по р. *Пола*, дер. *Шелонско* по р. *Шелонь* и мн. др.). В отличие от водных названий, связанных обычно с крупными и/или линейными объектами, первичные ойконимы древнебалтийского происхождения отражают субстратное наследие в конкретизированной («точечной») версии. Они подразумевают не общую размытую «балтийскость» территории, а конкретные поселения балтов, определенно локализуемые, указывающие на давнюю освоенность отдельно взятых местностей. Примером достоверного новгородского ойконимического балтизма является название дер. *Цемена* на левом берегу Полы в Демянском р-не Новгородской обл. (к западу от пос. Демянск). Этот населенный пункт писцовой книгой конца XV в. именуется «Дер. в *Чеменехъ*», которая входила в Буховский погост, в Демонский присуд Деревской пятины и принадлежала Новгородскому Антонию монастырю [НПК II: 581, 582]. Название *Цемена* (средневековая форма «*Чеменехъ*» отражает диалектное цоканье) показывает очевидное родство с многочисленными топонимами Прибалтики: *Kimėnai*, *Kimėniškė*, *Kiminių* в Литве [LATSŽ: 134], *Kimėnis*, *Kimėnes-plava*, *Kimėn-karts*, *Kimėn-grāvis*, *Kimėn-līcis*, *Kimīn-līruma*, *Kimēnica*, *Kimēnīte*, *Kimēnijas*, *Kimēļi*, *Kimēlija*, *Kimija* (<**Kim[e]nija-plava*) в Латвии, как и лтш. *Cimēni*, *Cimēniņi*, *Cimani*, *Cimēl-upe* [Endzelīns 1956–1961, 1: 165–166; 2: 221–222]; сюда же балтизмы на территории Белоруссии: *Кимяны*, *Кемяны*, *Кимия*, наряду с вариантами *Химяны*, *Химия*, *Химец*, *Химы*, *Химное* и т.п. (но ср. блр. *хим*, *хима* ‘низкий лес, хмызняк, преимущественно ольховый, с лозняком’ [Яшкін 1971: 199]); наконец сюда же относят подмосковное *Химка*, лев. пр. Москвы-реки [Топоров 1982: 40; Жучкевич 1974: 391]. Что касается апеллятивов и исходной апеллятивной семантики, то новг. *Цемена* ближайше связано с литов. *kiminas* ‘сфагнум, торфяной мох’, *kimininė pėlke* ‘сфагновое болото’, *kiminynas*, *kiminija*, *kiminynė* ‘место, где растет много мха’, *kiminójas* ‘пространство на лугу, поросшее мхом’ [Невская 1972: 336–337].

Усвоенная ранними славянами, субстратная основа подверглась «свистящей» палатализации: **Kimen-* > *Цимен-*, ср. близкое подобие в латышском палатализованном варианте *Cīmenī* при лтш. *Kīmenis* (более подробные сведения даны в статье [Васильев 2003: 112–117]).

Еще одним ойконимом очевидного балтийского происхождения является название расположенной у юго-восточного побережья оз. Ильмень дер. *Вдаль* Парфинского р-на Новгородской обл. (Лажинский сельсовет). Этот пункт, некогда принадлежавший Влажинскому погосту Деревской пятины, писцовой книгой около 1495 г. фиксируется под названием *Гдаль/Гдал* [НПК I: 717, 729, 730, 735], под 1560/61–1561/62 гг. – *Огдаль* [ПKNЗ 5: 336, 337]; из **Гьдаль* < балт. **Gudol-*, **Gudal-* (к вариантности *Гдаль/Вдаль* ср. известные *Гдов/Вдов*, *Овдов*, *гдовичи/вдовичи*). Корень **gud-* в значительном числе случаев засвидетельствован в балтийской ономастике: др.-прусск. топонимы *Gudeniten* 1393 г., *Gudicus* 1342 г., *Gudynyken* 1409 г., антропонимы *Gudeike* 1371 г., *Gud-denne* 1422 г., *Gudenne* 1400 г., *Gvdanne* 1361 г., *Gudenyn* 1419 г., *Ян Кзудикза(й)ловичь* 1599 г., *Gudwynaytis* 1563 г. в Литве, курш. *Gude* 1554 г., *Gudell* 1540 г., *Gudote* 1355–1362 гг. и другие факты, приведенные в [Топоров, 2: 323–329], сюда же литовские гидронимы *Gūdas*, *Gūdenėlė*, *Gūdežeris*, *Gūdgrabė*, *Gūdinis*, *Gūdiniškių upelis*, *Gūdinių upelis*, *Gūdintakis*, *Gudmėsla*, *Gudōnas*, *Gūdravis*, *Gudūnėlė*, *Gudūniškis*, *Gūdupelis*, *Gūdupis*, *Gudabalė* и др. и особенно показательные для новг. *Гдаль* имена с *l*-суффиксацией: *Gudelių ežeras*, *Gudelupis* [LUEV: 54; Vanagas 1981: 125–126], ойконимы *Gudų km.*, *Gudonių km.*, *Gudiškių km.*, *Gūdinės km.*, *Gūdenų km.*, *Gudeikių km.* и т.п., среди которых есть и *Gudelių km.*, *Gudeliukų km.*, *Gudeliškių km.*, *Gudeliškes km.*, *Gudalių km.* [LATS: 712–714]; сюда же топонимы Латвии *Gudi*, *Gudu-purvs*, *Gud-bala*, *Gudancis*, *Gud-upe*, *Gudupes-kalns*, *Gudvalki*, *Gudnieki* и прежде всего *Gudeliškes-ceļš*, *Gudeliškes-dīķis*, *Gudēlu-kruogs*, *Gudeliški*, *Gudēlnica pl.*, *Gudēli*, *Guduli* и т.п. [Endzelīns 1956–1961, 1: 336–337]. В Польше, помимо названий городов Гданьска и Гдыни, есть и *Gdula*, *Gdola*. В Белоруссии встречаются параллельные микротопонимы, появление которых связано с древнебалтийским субстратом, конкретно – с литовской антропонимией: ур. *Гудаўка* в Витебской губ, *Гудзінкi* поле и *Гудзішкі*, дер. *Гудзевічы* и *Гудзяўская* дорога в Гродненской обл., урочища *Гудоўскія* к западу и *Гуздельшчына* к северу от Минска (Логойский р-н) и особенно интересное для рассматриваемого новгородского факта блр. *Гўдаля гарод*, поле в окрестностях Браслава на Витебщине неподалеку от границы с Литвой и Латвией [МБ: 66]; это, последнее, название делает балтийскую атрибуцию новг. *Гдаль* наиболее очевидной. Ср. еще блр. личн. *Гуд*, *Гудовіч*, *Гудвіла* и т.п. [Бірыла 1969: 120]. Одни из приведенных названий этимологически трактуются с учетом др.-прусск. *gudde* ‘куст’, другие объясняются благодаря литов. *gūdas* ‘белорус’ и, в более широком применении, – ‘чужой’, литов. *Gūdas*, прозвище (подр. см. в [Топоров, 2: 323–329]). Применительно к новг. геогр. *Гдаль* (< **Gudal-*, **Gudol-*) допустимо предполагать обе эти возможности, хотя более вероятной видится все-таки деантропонимная мотивация. Главное же заключается в том, что этот ойконим эксплицирует одну из ниточек дославянских ареальных связей юго-восточного Приильменя с территорией прежде всего Литвы, Латвии и северной Белоруссии.

Обращает на себя внимание, что микрорайон всего юго-восточного Приильмения (прибрежная зона Синецкого залива оз. Ильмень) густо усеян вероятными топонимическими балтизмами, о которых известно по современным и историческим письменным материалам. Так, в трех км южнее дер. *Вдаль* (< *Гдаль*) стоит дер. *Тисва*, названная по руч. *Тисва* и оз. *Тисовское*, а в 10 км к северу от *Вдали* дер. *Льзень* (исторически здесь же *Лезнево*, *Лзенка*) на руч. *Льзень/Льзна*, на небольшом пространстве между этими пунктами с севера на юг находятся рч. *Моята/Маята*, речка *Неденка/Недейка*, руч. *Льнинский* с оз. *Олнино*, озера *Стяг*, *Индюк* и известные по средневековым описаниям рч. *Половка*, маленькие озера *Менцо*, *Лино*, *Жавро/Жеберо*, дер. *Дупле*, дер. *Недно*, бывшие в составе Влажинского погоста Деревской пятины [НПК I: 728, 733]; поблизости от них *Верготь/Верготка*, протока *Полы*, впадающая в Синецкий залив Ильменя, причем само наименование этого залива, наряду со смежным лимнонимом *Синец*, тоже, по всей вероятности, дославянское (для трактовки можно привлечь не только русск. *синий*, но и довольно многочисленную гидронимию типа литов. *Sienis* или *Seina*,

др.-прусск. *Seunicz* и т.п.; это, второе, решение с учетом густого фона близлежащих перечисленных названий выглядит более убедительным). Вся перечисленная топонимия находит многочисленные отчетливые параллели в Прибалтике и хорошо трактуется на материале балтийских языков. Наличие данного топонимического «гнезда» свидетельствует о плотной освоенности дославянскими балтами микрорайона юго-восточного побережья Ильменя. Этот микрорайон и сегодня относительно плотно заселен, что отличает его от скопления балтизмов на верхнем Волхове (*Осьма, Беберка, Полисть* и др.), сохранение которого можно было бы объяснить изначальной разреженностью славянского заселения местности.

Помимо отмеченных, к первичной ойконимии древнебалтийского происхождения явно или предположительно можно отнести еще ряд новгородских названий к юго-востоку, реже к югу и к западу от Ильменя: *Кневицы*, пос. на р. Березне, прав. пр. Поломети, лев. пр. Полы, *Крева*, средневековая деревня, а сегодня – урочище в верховьях Большого Тудра бассейна Ловати (в 50 км восточнее г. Холм), дер. *Кривско* с близлежащими дер. *Клевичи/Клевечи* и *Кривкино* на Чернорученке в среднем течении Полы неподалеку от райцентра Демянск Новгородской обл., дер. *Ловосицы/Ловасицы* на нижней Поле, *Мусцы*, средневековый погост в низовьях Шелони, дер. *Свея* (< **Освея*) к югу от Порхова на средней Шелони, с. *Яжелбицы* на р. Полометь к северо-западу от Валдая и нек. др.

Многочисленные проявления дославянского топонимического субстрата в центральных районах Новгородской земли ждут в дальнейшем серьезного этноисторического обоснования. По крайней мере сегодня уже потерял актуальность общий вопрос о том, имелось ли в Ильмень-Волховском бассейне индоевропейскоязычное (госр. балтоязычное) население до прихода славян, или же такового населения там не было. Ответ будет безусловно положительным: группы славян, продвинувшиеся приблизительно в VII в. н.э. к оз. Ильмень, встретили в его окрестностях носителей не только прибалтийско-финской, но и древнебалтийской речи. Финны и балты в этот период проживали чересполосно на большей части данной территории. В разное время и в разных местах они могли подвергаться взаимной ассимиляции, пока не были окончательно «растворены» в новоприбывшем экспансивном славянском этносе. И хотя больше находится оснований (не столько даже топонимических, сколько диалектно-лексикологических и археологических) для заключения о доминировании (и, видимо, о первичности) в регионе прибалтийско-финского этноса, гидронимия отчетливо маркирует точечные локусы, анклавы, а то и значительные районы (Полавский, Ловатский, Шелонский, Плюсский бассейны, прибрежная зона Ильменя), которые предполагают преобладание балтов, а не финнов.

Балтийские названия в изучаемом регионе безусловно имеют разную хронологию. Можно предположить, что самые ранние восходят к II тыс. до н.э., когда далеко на север, вплоть до Ладоги имело место распространение индоевропейских племен шнуровой керамики. В рамках мощного индоевропейского импульса Ильмень-Волховский бассейн вместе с верхней Волгой отнесен к обширному ареалу фатьяновской культуры [Основания 1999: 268–271; Крайнов 1987], которую исследователи в целом единодушно связывают (наряду с поморской культурой в Прибалтике) с протобалтами [Дини 2002: 39]. Считается, что далеко зашедшие на север индоевропейские племена со временем были ассимилированы более многочисленным местным прибалтийско-финским населением. Гидронимические следы, которые это население, вероятно, оставило, следует отнести скорее не к древнебалтийскому, а к протобалтийскому, или – иначе – к древнеевропейскому (по Х. Краэ [Краэ 1954; 1964]) слою. Для этого типа субстратных гидронимов Русского Северо-Запада характерна следующая особенность: имея преимущественные параллели в обширной области древнего проживания балтов, они обнаруживают точные архаические структурные соответствия далеко за пределами балтийского пространства – в регионах остальной Европы (в Италии, Англии, Франции, Германии, на Балканах, в Скандинавии). На новгородской и псковской территориях в качестве протобалтийских водных названий трактовались *Алѣ/Оля, Вишера, Волхов, Неденка, Оломна, Олица, Ольтечко, Омितिца, Серемо, Сого, Тулебля, Удина* и нек. др., подробнее см. [Агеева 1989: 201–208; Васильев 2002а; 2004]. Разумеется, даже наличие весьма отдален-

ных «транс-европейских» гидронимических соответствий недостаточно диагностирует столь раннее появление такой гидронимии, как правило, прикрепленной к незначительным водным объектам. Неясно, кто был «хранителем» этих водных имен, малоизвестных и узкофункциональных в слабозаселенном регионе, на протяжении 3–4 тысячелетий. Поэтому, надо полагать, часть новгородских гидронимов древнеевропейского слоя все же была перенесена балтами в более позднее время из юго-западных регионов, сохраняема ими же и затем передана славянам.

В раннем железном веке (I тыс. до н.э. – I-я половина I тыс. н.э.) весь Русский Северо-Запад был захвачен ареалом культур текстильной керамики, которую связывают с финским населением; южнее этого ареала, от верховьев Западной Двины до Оки, стабилизировалась этнокультурная граница, разделявшая финские и индоевропейские (балтийские, по мнению большинства исследователей) этнические массивы [Основания 1999: 270–273]. Учитывая гидронимическое исследование Р.А. Агсевой [1989], В.В. Седов осторожно допускает, что в Новгородско-Псковском крае «некоторые водные названия балтского происхождения, по всей вероятности, восходят к периоду раннего железа, когда в областях прибалтийско-финского расселения имела место инфильтрация племен штрихованной керамики» [Седов 1999: 126]. Возможность балтийских этнокультурных проникновений в этот период действительно предполагается комплексом находок на городищах в окрестностях Ильменя (у пос. Городок, у дер. Сельцо, у дер. Подбереза в низовьях Полы и Ловати и др.); в частности, эти находки позволили предположить, что собственно ранний железный век Приильмения теснейшим образом связан с днепровскими (верхнедвинскими) древностями первых веков н.э. [Короткевич 2001]. Появление же основной части топонимических балтизмов на Русском Северо-Западе В.В. Седов склонен отнести к эпохе раннеславянского заселения новгородско-псковских земель. Согласно его концепции, потоки славянских переселенцев из Повисленья увлекли за собой в Псковско-Ильменский регион часть балтийских племен, в том числе западнобалтийских. Только миграцией более или менее крупных групп ятвяжско-прусского населения в бассейн Великой и к берегам Ильменя могут быть объяснены те новгородско-псковские названия, которые несут в себе западнобалтийские черты [Седов 1999: 126].

Необходимо заметить, однако, что слой новгородских и псковских топонимических балтизмов сегодня предстает гораздо более мощным и глубоким, чем ранее считалось. На значительной территории вплоть до Ильменя и Новгорода балтийский топонимический субстрат более заметен, чем финский, включает многие (микро)гидронимы и ойконимы, имеет характерные сгущения, отражается в появлении переводных названий, а отдельные балтизмы, возможно, несут печать фонетической переработки в финноязычной среде, допуская квалификацию в качестве субсубстратных элементов (таковы, кажется, *Волхов*, *Тулебля*, см. анализ в [Васильев 2004: 163, 169]). Вряд ли всю эту сумму фактов можно объяснить одним только вовлечением части балтов в процесс славянской колонизации. Тезис о наличии в регионе слоя собственно западнобалтийских названий пока недостаточно подкреплён конкретным материалом. Названия, отсылающие к западным балтам, действительно встречаются в Ильмень-Волховском бассейне (таково, например, зап.-балт. *Стабенка*, хотя есть и вост.-балт. *Осьма*). Вместе с тем известно, что вопрос о диалектной дифференциации древних балтизмов в лесной зоне Восточной Европы еще далек от разрешения, так называемый днепровский балтийский с диалектной точки зрения остается неясным и неопределенным [Дини 2002: 70].

Тесные культурные связи Приильмения с областями днепровских и поочских балтов в I-й половине I тыс. н.э. все чаще констатируются в свете археологических данных. «В первые века н.э. Приильмение, как и западная часть Волго-Окского междуречья, переживает единые культурные процессы, выразившиеся в появлении на данных территориях элементов культуры, имеющих средне- и верхнеднепровское происхождение (керамика типа «среднего слоя Тушемли», грузики дьякова типа и т. д.)» [Носов и др. 2002: 14]. Для диагностирования дославянских новгородско-днепровских культурных связей в ближайших окрестностях оз. Ильмень, надо полагать, существенную значимость имеет исследование раннесредневекового городища на р. Маята близ юго-восточного ильменского побережья. Наличие слабопрофилированной и подлощенной керамики, особен-

ности фортификационных сооружений и домостроительства на этом городище (равно как на городище Сельцо и на селище Прость в приильменской низине) указывают на то, что в середине – третьей четверти I тыс. н.э. на берегах оз. Ильмень складывается общность, близкая культуре Тушемли-Банцеровщины. «Городок на Маяте» был в этот период родовым городком, мало отличавшимся от сотен других городищ этой культуры [Ерсмеев 2007], которую, как известно, локализуют в междуречье Западной Двины, Днепра и Немана, т.е. в центре старой балтийской территории. Весьма показательно при этом, что топонимическое изучение юго-восточного побережья оз. Ильмень – окрестностей «Городка на Маяте» – выявило в этом микрорайоне выразительное «гнездо» названий древнебалтийского происхождения (см. выше), примыкающее с юга к Половскому бассейну с его густым балтийским топонимическим фоном. Сочетание этих факторов позволяет наметить преимущественные пути освоения балтами ближайших окрестностей Ильменя и Новгорода: эти пути шли от Селигера по р. Полс и ее притокам, далее к юго-восточному и восточному побережью Ильменя, откуда балты проникали еще севернее – на Волхов.

Наконец нельзя не обратить внимания на сходство выводов гидронимии и археологии в том, что территория, очерченная границей распространения гидронимических балтизмов на Русском Северо-Западе, отчасти соответствует ареалу псковско-боровичских длинных курганов V–VIII вв. н.э., особенно на северо-западе, северо-востоке и востоке региона (о распространении курганов см., в частности [Седов 1999: 117–128, рис. 27]). Археологи признают наличие в этой культуре как финских, так и балтийских элементов. По мнению В.Я. Конецкого [Концевский 1997: 219], в данном отношении эта культура предстает как определенная параллель дьяковской культуре, в составе которой подобным же образом при «текстильной» основе (объединяющей дьяковскую культуру с остальными финно-угорскими древностями) отчетливо прослеживается балтийский этнокультурный компонент [Розенфельдт 1974]. По крайней мере восточные и северные территории распространения длинных курганов балтийский гидронимический слой сходит на нет. Явная разреженность этого слоя в бассейне Шелони, в нижнем левобережье Ловати и на западном побережье Ильменя тоже выразительно коррелирует с тем фактом, что в обозначенном субареале длинные курганы не выявлены (их отсутствие здесь связывают с ландшафтно-хозяйственными условиями [Лебедев 2001: 36]). Но, наряду со сходством, очевидны и моменты расхождения топонимических и археологических данных; основное расхождение видится в том, что на «бескурганное» восточное побережье Ильменя как раз приходится густой слой балтизмов, пожалуй, наиболее выразительный во всем регионе Новгородской земли. Все это подразумевает, что новгородские топонимические балтизмы хронологически разнородны и появление их в этом регионе не связано с волной какого-либо одного населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева 1980а – Р.А. Агеева. Гидронимия балтского происхождения на территориях псковских и новгородских земель // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980.
- Агеева 1980б – Р.А. Агеева. Славянские, балтийские и финно-угорские элементы в топонимии Русского Северо-Запада // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
- Агеева 1981 – Р.А. Агеева. Проблемы межрегионального исследования топонимии балтийского происхождения на восточнославянской территории // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981.
- Агеева 1985 – Р.А. Агеева. Происхождение имен рек и озер. М., 1985.
- Агеева 1989 – Р.А. Агеева. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.
- Аникин 1998 – А.Е. Аникин. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для балто-славянского словаря. Новосибирск, 1998. Вып. 1 (*a- - *go-).
- Аникин 2005 – А.Е. Аникин. Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск, 2005.
- Бірыла 1969 – М.В. Бірыла. Беларуская антрапанімія. 2: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск, 1969.

- Васильев 2001 – В.Л. Васильев. Метонимическое калькирование архаических гидронимов в Приильмень // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Великий Новгород, 2001.
- Васильев 2002а – В.Л. Васильев. Древнеславянская гидронимия в Приильмень // Вестник Новгородского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Великий Новгород, 2002. № 21.
- Васильев 2002б – В.Л. Васильев. К вопросу о балтском топонимическом наследии в Новгородском регионе // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 2001–2002 гг. Ч. 1. Великий Новгород, 2002.
- Васильев 2002в – В.Л. Васильев. К проблеме этноязыкового субстрата в Приильмень и Поволжье // Русская диалектная этимология: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 22–24 октября 2002 года). Екатеринбург, 2002.
- Васильев 2003 – В.Л. Васильев. Очерки новгородской субстратной топонимии (др.-балт. *Должино, Цемена*) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Мат-лы II Всероссийской науч.-практ. конф. Ч. II. Воронеж, 2003.
- Васильев 2004 – В.Л. Васильев. Древнеславянская гидронимия новгородско-псковских земель // Вестник Российского ун-та дружбы народов. М., 2004. № 2.
- Васильев 2007 – В.Л. Васильев. Древнебалтийская топонимия в регионе Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Великий Новгород, 2007.
- Васильев, Вихрова 2006 – В.Л. Васильев, Н.Н. Вихрова. Архаические гидронимы с фаунистической семантикой на побережье озера Ильмень // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород, 2006.
- Гусельникова 1996 – М.Л. Гусельникова. Полукальки русского Севера как заимствованный словообразовательный тип топонимов // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996.
- Дини 2002 – П. Дини. Балтийские языки / Пер. с итал. М., 2002.
- Ермеев 2007 – И.И. Ермеев. Комплексные исследования в Восточном Приильмень в 2006 г. // Доклад, прочитанный на научн.-практ. конф. «Новгород и Новгородская земля: История и археология» (Великий Новгород, 23–25 января 2007 г.).
- Жучкевич 1974 – В.А. Жучкевич. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.
- Конецкий 1997 – В.Я. Конецкий. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997.
- Конецкий 1998 – В.Я. Конецкий. Славянская колонизация Северо-Запада в отечественной исторической и археологической литературе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1998.
- Короткевич 2001 – Б.С. Короткевич. Днепродвинцы на севере. О начале раннего железного века в Приильмень // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2001.
- Крайнов 1987 – Д.А. Крайнов. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. М., 1987.
- Лебедев 2001 – Г.С. Лебедев. Верхняя Русь по данным археологии и древней истории // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны. СПб., 2001.
- Матвеев 1993 – А.К. Матвеев. Субстрат и заимствование в топонимии // ВЯ. 1993. № 3.
- МБ – Мікратапанімія Беларусі (Матэрыялы) / Под рэд. М.В. Бірыла, Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск, 1974.
- Муллонен 2002 – И.И. Муллонен. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- Мызников 2004 – С.А. Мызников. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.
- Невская 1972 – Л.Г. Невская. Словарь балтийских географических апеллятивов // Балто-славянский сборник. М., 1972.
- НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12; Великий Новгород, 2000. Вып. 13.
- Носов и др. 2002 – Е.Н. Носов, В.Я. Конецкий, А.Ю. Иванов. Комплекс археологических памятников в долине р. Бслой в контексте древней истории Северо-Запада России (итоги и перспективы изучения) // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1. Любытино, 2002.
- НПК – Новгородские писцовые книги, изданные императорской Археографической комиссией. СПб., 1859–1910. Т. I–VI.
- Орел 1997 – В.Э. Орел. Неславянская гидронимия бассейнов Вислы и Одера // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997.
- Основания 1999 – Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России. СПб., 1999.

- Откупщиков 2001 – Ю.В. Откупщиков. Балтийские гидронимы Мордовии // Ю.В. Откупщиков. *Opega philologica minora* (Античная литература. Языкознание). СПб., 2001.
- Откупщиков 2004 – Ю.В. Откупщиков. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования. XVI. Сб. науч. тр. М., 2004.
- Откупщиков 2005 – Ю.В. Откупщиков. О так называемых «речных суффиксах» -ша и -кша в гидронимии бассейна Оки // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Мат-лы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2005.
- ПKNЗ – Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К.В. Баранов. М., 1999–2004. Т. 1–5.
- Попов 1981 – А.И. Попов. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Розенфельдт 1974 – И.Г. Розенфельдт. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.
- Седов 1971 – В.В. Седов. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмоскowie, М., 1971.
- Седов 1999 – В.В. Седов. Древнерусская народность: Историко-лингвистическое исследование. М., 1999.
- Смолицкая 1976 – Г.П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- Топоров 1962 – В.Н. Топоров. Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий // Географические названия. Вопр. географии. № 58. М., 1962.
- Топоров 1972 – В.Н. Топоров. «Baltica» Подмоскowie // Балто-славянский сборник. М., 1972.
- Топоров – В.Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. М., 1975–1990. Т. 1–5.
- Топоров 1982 – В.Н. Топоров. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.
- Топоров 1995 – В.Н. Топоров. О северо-западнорусском локусе балтийской гидронимии (из цикла *По окраинам древней Балтии*) // *Res Balticae*. Pisa, 1995.
- Топоров 1998 – В.Н. Топоров. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. III // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1998.
- Топоров 1999 – В.Н. Топоров. Балтийский элемент в Новгородско-Псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999.
- Топоров 2000 – В.Н. Топоров. О балтийском слое русской истории // *Florilegium*: К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000.
- Топоров 2001 – В.Н. Топоров. К вопросу о «новгородско-литовском» пространстве и его языковой характеристике (по материалам XIII–XV веков) // *Res Balticae*. V. 7. Pisa, 2001.
- Топоров, Трубаев 1962 – В.Н. Топоров, О.Н. Трубаев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Фасмер – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубаев. М., 1986–1987. Т. 1–4.
- Хабургаев 1980 – Г.А. Хабургаев. Становление русского языка. М., 1980.
- Хенгст 2001 – К. Хенгст. Древнеславянские гидронимы у восточных славян // Ономастика Поволжья. М., 2001.
- Шилов 1999 – А.Л. Шилов. Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999.
- Яшкін 1971 – І.Я. Яшкін. Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971.
- Endzelin 1934 – J. Endzelin. Die lettlandischen Gewässernamen // *ZSIPh*. Leipzig, 1934. Bd. XI.
- Endzelins 1956–1961 – J. Endzelins. Latvijas PSR vietvārdi. D. I. 1–2. Riga, 1956–1961.
- Krahe 1954 – H. Krahe. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954.
- Krahe 1964 – H. Krahe. Unsere ältesten Flussnamen. Wiesbaden, 1964.
- LATS – Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas. Vilnius, 1959.
- LATSŽ – Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. Vilnius, 1976. II dalis.
- LUEV – Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963.
- Schall 1965 – H. Schall. Baltische Dialekte im Namengut Nordwestslawiens // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der idg. Sprachen*, 79. Göttingen, 1965.
- Schall 1970 – H. Schall. Preussische Namen längs der Weichsel // *Donum Balticum to Professor Chr.S. Stang*. Stockholm, 1970.
- Schmid 1987 – W.P. Schmid. Beiträge zur Bestimmung der baltischen Westgrenze // *Baltistica*. Baltų kalbų tyrinėjimai. Vilnius, 1987.
- Vanagas 1981 – A. Vanagas. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
- Vasmer 1934 – M. Vasmer. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme; II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slawischen Ländern / Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften (philos.-hist. Klasse). Berlin, 1932–1934.